

УДК 343.2

DOI 10.46741/2686-9764-2019-13-3-366-372

Административная преюдиция в уголовном законе: от критики к пониманию

■ **В. С. СОЛОВЬЕВ** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук;

С. С. КИСЕЛЕВ – доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

Реферат

Статья посвящена анализу процесса эволюции административной преюдиции в отечественном уголовном праве и криминологии. Анализируются положения нормативных актов, точки зрения дореволюционных, советских и современных ученых. Авторы связывают наличие преюдиционных норм с теорией опасного состояния личности. Концепция опасного состояния личности и преюдиционные нормы как одно из технико-юридических воплощений этой концепции являются традиционными для российского уголовного права и криминологической науки. Административная преюдиция может рассматриваться как средство предкриминальной индивидуализации мер уголовно-правового воздействия. Преюдиционные нормы являются средством гуманизации уголовного законодательства, поскольку оставляют второй шанс лицу, привлеченному к административной ответственности, и не криминализируют (или декриминализируют) деяние, совершенное впервые. Авторы считают преюдиционные нормы средством достижения цели предупреждения общественно опасных деяний.

Ключевые слова: административная преюдиция; опасное состояние личности; повторность; неоднократность; индивидуализация.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Administrative prejudice in criminal law: from criticism to understanding

■ **V. S. SOLOVYEV** – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. in Law;

S. S. KISELEV – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-Caucasian Branch of the Russian State University of Justice, PhD. in Law

Abstract

The article is devoted to the analysis of the evolution of administrative prejudice in domestic criminal law and criminology. The provisions of regulatory acts, the points of view of pre-revolutionary, soviet and modern scientists are analyzed. The authors attribute the presence of pre-normative norms to the theory of a dangerous state of a person. The concept of a dangerous state of a person and pre-regulatory standards as one of the technical and legal embodiments of this concept are traditional for Russian criminal law and criminological science. Administrative prejudice can be considered as a means of pre-criminal individualization of criminal law measures. Pre-regulatory standards are a means of humanizing criminal law, as they leave a second chance to a person held administratively liable and do not criminalize (or decriminalize) an act committed for the first time. The authors consider pre-regulatory standards as a means of achieving the goal of preventing socially dangerous acts.

Key words: administrative prejudice; dangerous state of personality; repetition; repeatability, individualization

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

С момента появления в действующем уголовном кодексе норм, содержащих административную преюдицию, в науке не утихают споры относительно их нужности и полезности. В защиту понимания и принятия административной преюдиции в уголовном законе выступает ряд исторических и криминологических аргументов.

На всем протяжении истории уголовно-правового воздействия в российском государстве существовал приоритет учета личностных особенностей преступника. Еще в XV в. при отсутствии юридических границ между правонарушениями и преступлениями появились признаки дифференциации ответственности в зависимости от количества совершенных лицом деяний. Судебник 1497 г. предусматривал за первую татьбу (кроме церковной и головной татьбы) достаточно легкое наказание – торговую казнь и битье кнутом. Совершение тем же лицом новой татьбы влекло смертную казнь [15, с. 55]. Н. С. Таганцев указывал, что это было оригинальное создание нашего юридического быта – обливование. Именно с этого момента появляется нравственно-юридический термин «лихой человек» [16, с. 227].

В дальнейшем практически все законодательные акты, содержащие уголовно-правовые нормы, предусматривали повышенную ответственность для лица, повторно совершившего преступление.

Основы теории опасности личности приводятся в работах большинства дореволюционных ученых.

По мнению А. Ф. Бернера, с объективной стороны посягательство и в случае его повторного совершения представляет собой лишь простое посягательство. И наоборот, с субъективной стороны повторное поправление законодательства, невзирая на уже пройденное наказание, говорит о значительной вине и опасности [2, с. 871].

По словам С. Будзинского, разные взгляды теории уголовного права и законодательства заставляют присуждать разный объем повотряющемуся преступлению. В некоторых кодексах говорится, что для того, чтобы вменить повторное совершение посягательства, необходим факт отбытия наказания за первое. Остальные указывают на необходимость лишь окончательного приговора. Первая система базируется на гипотезе о неисправимости и опасности виновного, в основе же второй лежит потребность в более мощном предупреждении, в связи с тем что наказание за первое посягательство не помогло предупредить новые [3, с. 278].

Исследователь А. Ф. Кистяковский пришел к заключению о том, что повторно совершенное посягательство свидетельствует о наличии привычки к совершению противоправных деяний, закоренелости и невозможности исправить преступника [9, с. 228].

Правовед В. В. Есипов полагал, что в качестве предмета санкций может выступать лишь только определенная личность, которая проявила особенности своего внутреннего состояния. В связи с тем, что внутреннее состояние преступности бывает разным у разных людей, необходимо присуждать исключительно индивидуальную меру карательных санкций. В частности, следует, чтобы наказание как мера государственного принуждения отвечала всей совокупности личных условий виновного [8, с. 43].

При описании теории частной превенции посягательств Л. С. Белогриц-Котляревский подчеркивает, что каждая отдельно взятая воля, которая решилась на посягательство, указывает на то, что у личности имеется недостаточное аргументов для того, чтобы не посягать на порядок. Подобная воля незаконна, так как противоречит общественному устройству и, значит, представляет угрозу государству, имеющему право

на принудительные санкции в отношении такой воли. Что же касается правовых основ этих санкций, то они состоят в принятии социумом того факта, что преступник несет в себе опасность, что доказывается посягательством, которое он совершил [1, с. 49].

По словам И. Я. Фойницкого, индивидуальные обстоятельства посягательства, изучаемые в комплексе, формируют определенное состояние индивида. Это состояние преступности, представляющее собой предмет санкций со стороны государства [18, с. 42].

Таким образом, к началу XX в. в отечественном уголовном праве сформировалась идея о том, что повторное совершение лицом преступлений повышает его опасность. Для описания этого явления использовались термины «лихой человек», «опасность личности преступника», «неисправимость и превратность преступника», «привычка к преступлению», «закоренелость», «состояние опасности, преступности».

Советская криминологическая наука активно развивала идею общественной опасности личности.

Следует рассмотреть доклад, сделанный Б. С. Никифоровым в ходе научной сессии Всесоюзного института юридических наук. В нем, в частности, говорилось о том, что понимание состава посягательства как достаточного основания для наступления уголовной ответственности, позволяющего применить наказание в конкретной ситуации, придает отечественному уголовному праву несвойственный ему формализм и не дает разглядеть за тем или иным составом судьбу живого человека. В связи с этим законодатель основанием для наступления уголовной ответственности признает виновность в осуществлении посягательства [12, с. 204].

Кроме того, ученый утверждал необходимость наличия объективности в показателях общественной опасности индивида. В качестве такового может выступать повторное осуществление определенных поступков. Соглашаясь с тем, что верно и закономерно в ряде случаев повторность считать условием для наступления уголовной ответственности, мы все же настаиваем на том, что такую повторность нельзя рассматривать как универсальный признак в составе деяния. Он является дополнительным, потому что только в некоторых случаях осуществления несущественных посягательств повторность представляет собой детерминирующий признак для позитивного решения

вопроса по поводу уголовной ответственности [13, с. 19].

В 1963 г. исследователем Б. В. Волженкиным подчеркивалось, что в некоторых статьях обновленного УК РСФСР закрепляются деяния, рассматриваемые как преступления только при условии, что они совершаются повторно после того, как в отношении виновных были приняты административные либо общественные меры. Разумеется, что осуществление такого же, пусть и несущественного, общественно вредного посягательства после того, как в отношении лица были применены соответствующие меры, указывает на то, что последних оказалось недостаточно для полного исправления виновного: он представляет повышенную общественную опасность, в связи с чем в отношении него необходимо применить уголовные меры воздействия [5, с. 93]. На этот факт указывает также П. С. Дагель. В частности, он рассматривает повторность осуществления деяния как показатель общественной опасности субъекта, в связи с чем осуществленное им правонарушение необходимо квалифицировать как преступное посягательство [7, с. 21].

Поддерживая и развивая теорию Б. С. Никифорова, Б. В. Волженкин утверждает, что осуществление преступного посягательства – единственное основание для наступления уголовной ответственности и при этом неоспоримое доказательство общественной опасности виновного. Лишь оно способно подтвердить, что характерные для личности антисоциальные убеждения либо моральная нестабильность указывают на то, что это лицо может осуществить новое посягательство [4, с. 41].

Стоит отметить, что даже Н. С. Лейкина, которая выступала против того, чтобы рассматривать специфику личности виновного в качестве одного из оснований наступления уголовной ответственности, подчеркивала, что в определенных составах присутствуют и иные признаки, описывающие субъект посягательства. Это признаки повторности, многократности, периодичности, а также признаки, указывающие на особую опасность рецидивиста, специальный субъект. Они описывают субъект посягательства как компонент состава посягательства и на этом основании включаются в состав [10, с. 43]. Далее исследователь отмечала, что повторное осуществление посягательства, пусть и несущественного (неважно, однородное оно или разнородное), указывает на то, что преступник оступился намерен-

но, что мотивы к совершению асоциальных деяний, являющихся незначительными преступлениями, стали стойкими, в связи с чем невозможно полагаться на то, что он будет исправлен при помощи одних только мер общественного влияния [10, с. 73].

Говоря об общественной опасности личности, В. Д. Филимонов подчеркивает, что основанием усиления уголовной ответственности повторных преступников является главным образом проявленная ими склонность к совершению преступлений. При неоднократном их повторении у виновного вырабатывается устойчивое положительное отношение к преступной деятельности. Каждое вновь совершаемое преступление обычно требует от него все меньше и меньше нервного напряжения, колебаний между намерениями совершить преступление или отказаться от него. Все это способствует совершению новых преступлений и требует дополнительных мер наказания для исправления и перевоспитания осужденных. Уже вторичное совершение преступления, особенно после осуждения за первое, является показателем наличия у лица определенной склонности к преступной деятельности, степень которой может быть различной.

Отмечая эти основания повышенной ответственности повторных преступников, очень важно подчеркнуть, что они всегда проявляются в совершении действий. Только действия могут служить надежным показателем существования у лица склонности или привычки к совершению преступлений. Таким образом, как склонность к совершению преступлений, так и преступная привычка образуются в результате совершения общественно опасных действий и проявляются только в них [17, с. 265–266].

В книге «Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация», авторами которой выступили лучшие советские криминологи П. С. Дагель, Г. А. Злобин, С. Г. Келина, Г. Л. Кригер, В. Н. Кудрявцев, Т. И. Минаева, А. М. Яковлев, говорится о том, что «круг деяний, подпадающих под действие норм уголовного права, может быть даже сужен за счет перевода некоторых малозначительных преступлений в категорию административных проступков, установления более четких и более узких рамок уголовной ответственности, введения административной преюдиции и т. д.» [14, с. 293]. Наличие административной или дисциплинарной преюдиции в уголовном законе авторы объясняли в том числе влиянием на установление уголовной наказуемости общественно опасных деяний

правовых принципов и системно-правовых факторов [14, с. 53].

Приведенные точки зрения свидетельствуют о том, что советской наукой был накоплен богатый опыт криминологических исследований, касающихся общественной опасности личности, составной частью которых являлись и исследования преюдиционных норм. Именно повышенная опасность личности ставится во главу угла при их конструировании.

Однако с образованием Российской Федерации развитие теории общественной опасности личности внезапно прервалось. Действующий уголовный кодекс в момент его принятия отказался от преюдиционных норм, а к 2003 г. исчезла и повышенная ответственность за преступления, совершенные неоднократно. Возникают закономерные вопросы: почему почти что пятисотлетняя история общественной опасности личности в уголовном праве прерывается именно здесь? не было ли здесь политической составляющей, а если и была, то на что она была направлена? чьи интересы при этом лоббировались?

Тем более странным выглядят практически одновременные отказ от теории общественной опасности личности и появление Указа Президента Российской Федерации от 14.06.1994 № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности», который позволял осуществлять отдельные меры государственного принуждения «при наличии достаточных данных о причастности лица к банде или иной организованной преступной группе, подозреваемой в совершении тяжких преступлений». Важно, что речь идет не о деяниях лица, а о причастности к банде или организованной преступной группе, то есть фактически о личностных характеристиках.

Не менее любопытен и не меньшее количество вопросов вызывает тот факт, что опасность личности в уголовном законе исчезает лишь из правовых институтов, касающихся установления и усиления уголовной ответственности (преюдиционные нормы, неоднократность). В вопросах условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания отсылки к опасности личности сохраняются. Это касается условий применения указанных правовых институтов: отношения человека к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, отношения осужденного к совершению деянию – не потому ли, что проще

всего доказать факт неоднократного совершения лицом преступления и проще всего (при должной коррупционной составляющей) зафиксировать положительное поведение лица в период отбывания наказания?

Отсюда напрашивается первый вывод: концепция опасного состояния личности и преюдиционные нормы как одно из технико-юридических воплощений этой концепции являются традиционными для российского уголовного права и криминологической науки. При реформировании уголовного законодательства в 90-е гг. XX в. политическая конъюнктура и лоббирование интересов организованной преступности привели к тому, что нормы, устанавливающие и усиливающие ответственность для лиц, обладающих высокой степенью опасности, были искусственно исключены из уголовного кодекса, а сама теория фактически предана забвению.

Вывод второй: административная преюдиция может рассматриваться как средство предкриминальной индивидуализации мер уголовно-правового воздействия. В. Н. Воронин справедливо отмечает, что «ядром» системы индивидуализации наказания являются общие основные критерии – степень общественной опасности преступления и характеристика личности виновного» [6, с. 20]. Повторность совершения деяния, несмотря на понесенное наказание и предупреждение об уголовной ответственности за совершение аналогичного правонарушения вновь, является достаточно яркой характеристикой личности виновного. В действующем уголовном кодексе содержится ряд норм, предусматривающих индивидуализацию мер уголовно-правового характера для лиц, обнаруживших свои личностные характеристики именно посредством количества совершенных деяний. Статьи 154 и 108 УК РФ устанавливают ответственность за деяния, совершенные неоднократно, ст. 110, 117, 232, 241 УК РФ – за деяния, совершаемые систематически, 23 статьи предусматривают различные бонусы для лиц, совершивших преступление впервые, причем 14 из них – это примечания к статьям Особенной части УК РФ, устанавливающие основания освобождения от уголовной ответственности для лиц, совершивших преступление впервые. Их можно отнести к средствам индивидуализации если не наказания, то мер уголовно-правового характера, применяемых к лицам, совершившим преступление впервые. Факт первичного совершения преступления при этом является характеристикой личности виновного. Тогда в чем принципиальная разница меж-

ду преюдиционной нормой, нормой, устанавливающей ответственность за деяние, совершенное неоднократно или систематически без предварительного привлечения к административной ответственности, и нормой, предусматривающей поощрение для лиц, совершивших преступление впервые?

Более того, у упомянутых примечаний к статьям Особенной части УК РФ есть два минуса по сравнению с нормами преюдиционными. Во-первых, они индивидуализируют меры уголовно-правового характера на этапе посткриминальной деятельности, когда вред общественным отношениям уже причинен или создана реальная угроза его причинения. Во-вторых, у примечаний может быть и криминогенная роль: лицо перед совершением преступления знает, что при определенных обстоятельствах может быть освобождено от уголовной ответственности. Преюдиционные нормы этих минусов лишены. Можно утверждать, что они одновременно являются и средством индивидуализации мер уголовно-правового воздействия, применяемым на предкриминальной стадии, и средством предупреждения общественно опасных деяний.

Вывод третий: как бы странно это ни звучало, но преюдиционные нормы являются средством гуманизации уголовного законодательства. В современных условиях, когда на редкой научной конференции не ведется речь о кризисе уголовной политики и, по словам М. А. Кауфмана, «складывается впечатление, что законодатель пытается решить вопросы криминализации и декриминализации на ощупь, методом проб и ошибок», надо поблагодарить законодателя за то, что он оставляет второй шанс лицу, привлеченному к административной ответственности, и не криминализует (или декриминализует) деяние, совершенное впервые.

Вывод четвертый: именитые ученые, являющиеся противниками административной преюдиции, часто используют аллегории «сколько кошку ни корми, она от этого тигром не станет», «100 котят не становятся тигром» и т. п. Продолжая использовать терминологию уголовно-правовой анималистики, хочется задать им вопрос: почему, собственно, речь идет о характеристиках животных, а не об их деяниях? Ведь «в основу преступления ложится деяние (действие или бездействие, совокупность связанных между собой действий или бездействия), именно оно обладает признаком общественной опасности» [11, с. 69]. Получается, что нахождение в замкнутом помещении

вместе с тигром, до поры до времени не совершающим никаких деяний, так же безопасно, как и с сотней котят. Примерно так же безопасно наблюдать за нетрезвым водителем, в двадцатый раз управляющим транспортным средством. Безусловно, нельзя идеализировать превентивные возможности преюдиционных норм, однако если та-

кое средство в арсенале правоприменителя имеется, то глупо им не пользоваться. Если необходимо бороться за чистоту уголовного законодательства, то административной преюдиции там не место, но если цель состоит в предупреждении общественно опасных деяний, то преюдиционные нормы могут и должны применяться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Белогриц-Котляревский, Л. С.** Учебник русского уголовного права / Л. С. Белогриц-Котляревский. – Киев : Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1903. – 628 с.
2. **Бернер, А. Ф.** Учебник уголовного права / А. Ф. Бернер. – Санкт-Петербург : Типография Н. Тиблена и Ко, 1865. – 940 с.
3. **Будзинский, С.** Начала уголовного права / С. Будзинский. – Варшава : Типография И. Яворского, 1870. – 362 с.
4. **Волженкин, Б. В.** Избранные труды / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. – 1310 с. – ISBN 978-5-94201-506-1.
5. **Волженкин, Б. В.** Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности / Б. В. Волженкин // Правоведение. – 1963. – № 3. – С. 90–98.
6. **Воронин, В. Н.** Индивидуализация наказания: понятие, критерии, значение : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. Н. Воронин. – Москва, 2015. – 30 с.
7. **Дагель, П. С.** Роль уголовной репрессии в борьбе с преступностью в период развернутого строительства коммунизма (в свете учения В. И. Ленина об убеждении и принуждении) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / П. С. Дагель. – Ленинград, 1962. – 23 с.
8. **Есипов, В. В.** Личное состояние преступности как предмет наказания / В. В. Есипов // Журнал гражданского и уголовного права. Книга десятая. – Санкт-Петербург, 1893. – С. 22–50.
9. **Кистяковский, А. Ф.** Элементарный учебник общего уголовного права / А. Ф. Кистяковский. – Киев : Типография Университета Св. Владимира, 1875. – 413 с.
10. **Лейкина, Н. С.** Личность преступника и уголовная ответственность : монография / Н. С. Лейкина. – Ленинград : ЛГУ, 1968. – 130 с.
11. **Лопашенко, Н. А.** Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н. А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23). – С. 64–71.
12. **Никифоров, Б. С.** Доклад «Об основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» / Б. С. Никифоров // Важный этап в развитии советского права. Новое общесоюзное законодательство в области уголовного права, судостроительства и судопроизводства : труды научной сессии ВЮОН. – Москва : Госюриздат, 1960. – С. 28–47.
13. **Никифоров, Б. С.** Объект преступления / Б. С. Никифоров. – Москва : Госюриздат, 1960. – 230 с.
14. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / ответственные редакторы В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – Москва : Наука, 1982. – 303 с.
15. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2 / под общей редакцией О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1984. – 432 с.
16. **Таганцев, Н. С.** О повторении преступлений / Н. С. Таганцев. – Санкт-Петербург : Журнал Министерства юстиции, 1867. – 296 с.
17. **Филимонов, В. Д.** Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии) / В. Д. Филимонов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1970. – 278 с.
18. **Фойницкий, И. Я.** Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Типография Министерства пут. сообщ., 1889. – 514 с.

REFERENCES

1. Belogric-Kotlyarevskij L. S. *Uchebnik russkogo ugovornogo prava* [Textbook of Russian criminal law]. Kiev, 1903. 628 p. (In Russ.).
2. Berner A. F. *Uchebnik ugovornogo prava* [Criminal Law Textbook]. St. Petersburg, 1865. 940 p. (In Russ.).
3. Budzinskij S. *Nachala ugovornogo prava* [Beginnings of criminal law]. Warsaw, 1870. 362 p. (In Russ.).
4. Volzhenkin B. V. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg, 2008. 1310 p. (In Russ.).
5. Volzhenkin B. V. *Obshchestvennaya opasnost' prestupnika i osnovanie ugovornoj otvetstvennosti* [The public danger of the offender and the basis of criminal liability]. *Pravovedenie – Jurisprudence*, 1963, no. 3, pp. 90–98. (In Russ.).
6. Voronin V. N. *Individualizatsiya nakazaniya: ponyatie, kriterii, znachenie. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Individualization of punishment: concept, criteria, meaning. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 2015. 30 p. (In Russ.).
7. Dageľ P. S. *Rol' ugovornoj repressii v bor'be s prestupnost'yu v period razvernutoho stroitel'stva kommunizma (v svete ucheniya V. I. Lenina ob ubezhdenii i prinuzhdenii). Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [The role of criminal repression in the fight against crime during the expanded construction of communism (in the light of the teachings of V.I. Lenin on persuasion and coercion). Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Leningrad, 1962. 23 p. (In Russ.).
8. Esipov V. V. *Lichnoe sostoyanie prestupnosti kak predmet nakazaniya* [Personal state of crime as a subject of punishment]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava. Kniga desyataya* [Journal of civil and criminal law. Book Ten]. St. Petersburg, 1893, pp. 22–50. (In Russ.).
9. Kistyakovskij A. F. *Elementarnyj uchebnik obshchego ugovornogo prava* [Elementary textbook of general criminal law]. Kiev, 1875. 413p. (In Russ.).
10. Lejkina N. S. *Lichnost' prestupnika i ugovornaya otvetstvennost'* [The identity of the offender and criminal liability]. Leningrad, 1968. 130 p. (In Russ.).
11. Lopashenko N. A. *Administrativnoj preyudicii v ugovornom prave – net!* [Administrative prejudice in criminal law - no!]. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation*, 2011, no. 3 (23), pp. 64–71. (In Russ.).

12. Nikiforov B. S. Doklad «Ob osnovah ugovnogo zakonodatel'stva Soyuzn SSR i soyuznyh respublik» [Report «On the Foundations of the Criminal Law of the Union of Soviet Socialist Republics and Union Republics»]. *Trudy nauchnoj sessii VIYUN «Vazhnyj etap v razvitii sovetskogo prava. Novoe obshchesoyuznoe zakonodatel'stvo v oblasti ugovnogo prava, sudoustrojstva i sudoproizvodstva»* [Proceedings of the scientific session of the All-Union Institute of Legal Sciences «An important stage in the development of Soviet law. New all-Union legislation in the field of criminal law, judicial system and legal proceedings»]. Moscow, 1960, pp. (In Russ.).
 13. Nikiforov B. S. *Ob»ekt prestupleniya* [Object of crime]. Moscow, 1960. 230 p. (In Russ.).
 14. Kudryavcev V. N., Yakovlev A. M. (red.) *Osnovaniya ugovno-pravovogo zapreta. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya* [The grounds of the criminal law prohibition. Criminalization and decriminalization]. Moscow, 1982. 303 p. (In Russ.).
 15. Chistyakov O. I. (red.) *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. T. 2* [Russian legislation of the 10th–20th centuries in 9 vol. Vol. 2]. Moscow, 1984. 432 p. (In Russ.).
 16. Tagancev N. S. *O povtoreanii prestuplenij* [About the recurrence of crimes]. St. Petersburg, 1867. 296 p. (In Russ.).
 17. Filimonov V. D. *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika (predposylki, sodержanie, kriterii)* [Public danger of the identity of the offender (prerequisites, content, criteria)]. Tomsk, 1970. 278 p. (In Russ.).
 18. Fojnickij I. YA. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in relation to prison science]. St. Petersburg, 1889. 514 p. (In Russ.).
-